

вора, вызванного к жизни отсутствием необходимых морфологических средств, т. е. спрягаемого глагола или активного ПСВ, что заставляет при пассивном ПСВ использовать специальным образом акцентированную форму субъекта со специальным послелогом деятеля *не*, который является обязательным структурным компонентом предложения, поскольку без него конструкция приобретает иное семантическое значение. В подтверждение наших слов сошлемся на мнение двух известных специалистов по эргативности. Б. А. Серебrenников полагает: «В структуре эргативного предложения выделяется ведущее значение не грамматической категории, а логической» [29, с. 302]. Г. А. Климов считает, что «речевым сознанием носителя языка данное построение рассматривается как активное» [27, с. 16].

Следовательно, для образования ЭК необходимо наличие двух обязательных компонентов: субъекта действия с послелогом *не* и транзитивного ПСВ, которые никогда не опускаются и не трансформируются, т. е. необходима коллигация этих двух главных компонентов (впервые эту мысль высказал Ш. К. Варма; см. [30]). Объектный расширитель транзитивного ПСВ, который в своей немаркированной форме передвигается в позицию циклического подлежащего (ЦП), т. е. подлежащего определенного предложенческого цикла, также является обязательным компонентом предложения, который, однако, может трансформироваться в придаточное предложение: *ларке не каза ки уссе сойа нахи джата* — «мальчик сказал, что ему не спится». Все остальные необходимые, по мнению Т. Я. Елизаренковой, условия для формирования ЭК в новоиндийских языках для СЛЯХ являются иррелевантными [17, с. 116].

Во-вторых, лексически пассивное значение транзитивного ПСВ определяет его поведение в предложении, поскольку оно характеризует состояние пациенса, возникшее в результате действия, произведенного агенсом. Однако здесь пациенс не становится логическим (и психологическим) центром высказывания, поскольку заглавная позиция агенса, его тематический характер и обязательное присутствие делают именно агенс основным центром высказывания, что свойственно только подлежащему в активной (номинативной) конструкции. В этой двойственности ЭК в СЛЯХ (пассивное по значению причастие и активное по характеру действие) скрыта внутренняя диалектика конструкции.

В-третьих, ЭК является крайне «строгой» по структуре конструкцией: не только отсутствие субъекта и предиката, но и внутреннее расширение предиката хотя бы одним интранзитивным компонентом разрушает ЭК: *ларка китаб парх гайа* — «мальчик прочитал книгу» (букв. «мальчик книга прочитав ушедший»), *гари чал ди* — «повозка отправилась» (букв. «повозка тронувшись дана»).

В-четвертых, субъект ЭК в современном языке не имеет ограничений по линии одушевленности / неодушевленности, хотя еще в прошлом веке в функции субъекта выступали главным образом личные имена существительные. В функции субъекта может выступать даже субстантивный инфинитив: *ис пархне не бахут кучх дийа Премчанд ко* — «чтение очень много дало Премчанду» (букв. „читать + не очень много дан Премчанд + + ко“) ⁵.

В-пятых, ЭК при связках настоящего времени (глагол *ха*, который не следует путать с бытийным глаголом *хона* — «быть») или будущего времени является моноличной, поскольку выступает только в форме 3-го лица ед. и мн. числа. При отсутствии связки или при связке прошедшего времени, имеющей безлично-изменяемую форму, категорию лица даже формально установить не представляется возможным. Этим ЭК отличается от пассивной конструкции (ПК), которая может иметь личную связку: *май дехка джата ху* — «я есмь видим», но сближается с пассивно-возврат-

⁵ См. [31], где утверждается, что эргативной системе соответствует только неодушевленная именная группа.